

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe) 44
Э46

Simone Elkeles
CROSSING THE LINE

Публикуется с разрешения Writers House LLC
и Литературного агентства «Синописис».

Элкелес С.

Э46 Стирая границы : [роман] / Симона Элкелес ;
пер. с англ. А. Сибуль. – Москва : Издательство
АСТ, 2019. – 416 с.

ISBN 978-5-17-115894-1

Чтобы сбежать от ужасного отчима, Райан Хесс отправляется из Техаса в Мексику. Но его планы не воплотятся в неприятности рушатся в ту минуту, когда он встречает прекрасную Далилу Сандоваль – девушку не его круга. Дочь одного из самых богатых адвокатов, сосредоточенная на планировании светлого будущего, Далила даже не подозревает о существовании Райана, пока он не врывается в ее жизнь, руша все планы.

Они не подходят друг другу во всех отношениях, но только вместе чувствуют себя по-настоящему живыми. Эта любовь подобна пламени, которое способно поглотить все окружающее. Но сможет ли она выжить или сожжет их обоих?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-115894-1

Copyright © Simone Elkeles, 2018
© А. Сибуль, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Минди.

*Когда Бог раздавал дружбу,
я выиграла в лотерею.*

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Райан

Когда ты умираешь, это конец игры.

Ты не возвращаешься, не возрождаешься и не начинаешь заново.

Я сижу в последнем ряду в церкви и наблюдаю, как люди проходят мимо меня, чтобы выразить свои соболезнования вдове Макса Тригера. Она крепко прижимает к себе двух маленьких дочек. Одна из них со слезами на глазах спрашивает, лежит ли ее папа в деревянной коробке перед ними, а миссис Тригер может лишь медленно кивнуть сквозь всхлипы. Ее сын сидит в напряжении в нескольких футах от них, руки сложены на груди.

Я буду всегда помнить Макса как крепкого, словно камень, пограничника. Несколько мексиканских детей в нашей школе боялись, что он может начать что-то вынюхивать и спрашивать про их родителей и миграционный статус. Но он не искал тех, кто нелегально пересек границу. Он сделал своей миссией уничтожение преступной

торговли наркотиками, чтобы следующее поколение не несло это бремя.

Вероятно, Макс Тригер находился в центре какой-то секретной операции, проводимой мексиканскими властями и управлением по борьбе с наркотиками для поимки «Лас Калаверас» — картеля, действующего на границе между Мексикой и США. За это его и застрелили. В лицо. Никто не знает, кто это сделал. Но, даже если бы знали, не сказали бы. Девиз нашего пограничного тexasского городка — «За стукачом топор гуляет».

Или что похуже.

Я смотрю на деревянный гроб и гадаю, продолжал бы Макс свою секретную операцию, если бы знал, что умрет и оставит свою жену и детей.

Думаю, да.

— Райан, иди сядь с нами, — зовет меня мама с первого ряда. Она отчаянно машет, а я размышляю, как много алкоголя она выпила, прежде чем появиться здесь.

Я качаю головой в надежде, что она забудет про меня, и пытаюсь смешаться с толпой. Опускаю голову, чтобы не встречаться глазами ни с ней, ни с кем другим, — этому трюку я научился давным-давно, чтобы избежать неприятностей. Иногда это срабатывает.

Иногда нет.

Я понимаю, что это один из тех случаев, когда не сработало, потому что через несколько минут чувствую сильный хлопок по плечу.

— Эй, лузер! Твоя мама хочет, чтобы ты сидел вместе с нами, — выплевывает мой сводный брат-нытик Пи Джей голосом, способным разбить стекло.

Вместо ответа я бросаю на него суровый взгляд, предупреждая, что лучше оставить меня в покое.

— Как хочешь, — невозмутимо отвечает он. — Я все равно не хотел, чтобы ты с нами сидел.

Все здесь знают, что нас не связывает кровь. Я — пасынок-смутьян любимого шерифа Лавленда. Никакие мои действия этого не изменят.

Пи Джей подходит к отцу, стоящему на карауле перед гробом, и что-то ему шепчет. Не нужно быть гением, чтобы понять, что он доносит на меня. А это слишком жалкий поступок для парня, которому скоро семнадцать. Мой отчим, Пол, также известный как шериф Блэкберн, смотрит в мою сторону с явным отвращением на лице, а Пи Джей одаривает меня едва заметной триумфальной улыбкой.

Я их игнорирую, склоняю голову и делаю единственное, ради чего пришел сюда. Молюсь за Макса Тригера.

Несколько месяцев назад Макс нашел меня в парке на скамейке с карманным ножом в руке. Это было поздно вечером, никого вокруг не было, и я смотрел на блестящее лезвие как на спасение. Когда Макс ко мне подошел, он не стал меня допрашивать или требовать, чтобы я отдал ему нож. Он словно знал, что я собирался сделать, и просто плюхнулся рядом со мной на скамейку. Мы долгое

время сидели молча, пока он не сказал своим спокойным, ровным голосом:

— А что, если станет лучше, но ты так и не узнаешь, потому что сдался?

— А что, если не станет? — спросил я, глядя на лезвие.

Он пожал плечами.

— Закон средних чисел гласит, что станет, а я — парень, который знает кое-что о законах. Почему бы мне немного не подержать этот нож, Райан? Будет жаль, если ты случайно порежешься, пока ждешь, когда станет лучше. — Он протянул руку, и я отдал ему свой нож. — Если я когда-нибудь тебе понадобится, звони мне в любое время. Или моему партнеру Лансу Мэттьюзу. Он грубоватый, но хороший парень. — Макс передал мне карточку с телефонными номерами.

Хоть я и знал, что никогда не позвоню, все равно засунул карточку в кошелек, словно это была моя связь со здоровым рассудком.

В тот день Макс Тригер спас мою жизнь. Макс был героем. В отличие от моего отчима.

Я смотрю на мужа мамы в его темно-синей униформе шерифа Лавленда с блестящей золотой звездочкой и именной табличкой, которая гласит: «ПОЛ М. БЛЭКБЕРН, ШЕРИФ». Он любит эту тяжелую синтетическую униформу, но не из-за того, что она означает. Он любит ее за то, как она возносит его эго.

Сейчас Пол приветствует скорбящих у входа. Летние каникулы только начались, и в южном Те-

хасе жарко, как в аду. Интересно, заметят ли они капельки пота на его лице? Может, и нет. Некоторые смотрят на него так, словно он в одиночку защищает целый город от беды. Правда в том, что ему плевать на всех, кроме себя. Он позволяет таким парням, как Макс и Ланс, выполнять грязную работу, пока он прячется в своем большом офисе в полицейском участке Лавленда и присваивает себе лавры за каждое изъятие наркотиков или арест. Можно подумать, он единственный компетентный человек в участке. Он отмахивается от федеральных агентов таможенного патруля, словно они ничтожные выскочки. Хотя некоторые полицейские участки в пограничных городах печально известны тем, что нанимают оборотней в погонах, которым платят картели, чтобы те смотрели в другую сторону.

Я бросаю взгляд на маму, сидящую во втором ряду с Алленом и Пи Джейем, двумя отвратительными сыновьями Пола от первого брака. На маме — маленькое черное кружевное платье из какого-то дизайнерского магазина в городе. Ее руки аккуратно сложены на коленях. Я знаю, что она пьяна, но моя мама становится профи, когда нужно это скрыть. Черт, бьюсь об заклад, Пол не догадается, что она выдула его дневную дозу этим утром.

А может, ему плевать.

В его ничтожном умишке трофейная жена рядом с ним лишь укрепляет его геройский образ. Необходимость разбираться с ее внебрачным сыном не вяжется с этим образом и ужасно бесит его.

Когда поток горюющих иссякает, появляется компания девочек из Лавленд Хай. На них всех одинаковые короткие платица на бретельках, и они кучкуются, словно стадо.

— Я не стану сидеть рядом с Райном, — заявляет их самопровозглашенный лидер Микайла Харрис достаточно громко, чтобы я услышал.

Я делаю неприличный жест в ее сторону.

Она грозно смотрит на меня и бормочет: «Придурок», — прежде чем провести пальцами по огненно-рыжим волосам и увести девушек в противоположную часть зала.

Когда я только переехал в Лавленд из Чикаго год назад, мы с Микайлой приглянулись друг другу на вечеринке. Я предупреждал, что не ищу девушку, потому что тренировался, чтобы повысить свой боксерский разряд. Но она почему-то решила, что я передумаю, если мы начнем встречаться. Когда я не согласился боготворить ее, Микайла сделала так, чтобы все знали о моем пребывании в колонии для несовершеннолетних за нападение и крупную кражу авто. Понятия не имею, откуда она узнала, но это неважно. После этого почти все в школе избегали меня.

Пол оставил свой пост и внезапно оказался передо мной. От него воняет дешевым одеколоном.

— Иди сядь рядом с матерью, — приказывает он сквозь сжатые зубы.

— Зачем? Чтобы мы могли притворяться счастливой сплоченной семьей? Да пошло оно.

— Нет, умник. — Он натянуто улыбается только что вошедшей паре, прежде чем вернуться ко мне. — Чтобы твоей матери не пришлось отвечать на вопросы, почему ее сын решил сидеть с незнакомцами на похоронах. Хоть один раз не заставляй ее придумывать тебе оправдания.

Я бросаю взгляд на маму и чувствую укол вины. Не то чтобы она была заботливой всю мою жизнь, но не нужно давать ей еще одну причину, чтобы надраться.

Обходя отчима, чтобы сесть рядом с мамой, я морщусь, когда он похлопывает меня по спине, словно мы друг друга любим. Это просто шоу. Если бы все тут знали, как он издевался над Максом за его спиной, то хоть мельком увидели бы настоящего шерифа Пола Блэкберна.

Суматоха в переднем ряду заставляет меня вернуться к причине, по которой я здесь. Девочки-двойняшки Макса плачут. Когда миссис Тригер говорит сыну сесть поближе к ней, парень качает головой.

— Я не хочу быть здесь! — выкрикивает он.

Мать протягивает руку, чтобы утешить его, но он уворачивается и убегает. Парень прав. Я тоже не хочу здесь быть.

Когда присутствующие на похоронах и партнер Макса, Ланс, бросаются к убитой горем вдове, чтобы утешить ее, я выскальзываю наружу.

Я достаточно быстро нахожу парня. Ему около одиннадцати или двенадцати. Ужасно в таком возрасте потерять отца. Черт, я потерял отца еще

до рождения, и это тоже было ужасно. Точнее сказать, мой папа ушел. Исчез, как только мама сказала ему про беременность. Вроде бы он забрал все накопленные ею деньги и сбежал с какой-то бимбо-стриптизершей¹, которую встретил в забегаловке.

Мой папа был чертовским придурком.

Сын Тригера выглядывает из-за дерева и с любопытством рассматривает меня.

— Я ни за что туда не вернусь.

Я пожимаю плечами и вытаскиваю сигареты из кармана.

— Слушай, парень, мне наплевать, вернешься ты туда или нет. — Я зажигаю сигарету и сажусь на скамейку для пикника возле дерева. — По мне так оставайся здесь и прячься хоть весь день напролет.

— Я не прячусь. — Он выходит из-за дерева, и я вижу его худощавое тельце и красное, опухшее от слез лицо.

Я делаю затяжку, и дым обжигает стенку горла. Это в очередной раз напоминает мне, почему я ненавижу эти чертовы штуки.

— А я думаю, прятался.

Парень осторожно садится на край скамейки.

— Ты же сын шерифа Блэкберна, да?

— Пасынок, — быстро исправляю я.

Он переводит взгляд на сигарету.

— Это вызывает рак.

---

¹ *Vimbo* — итальянское слово, которое используется для собирательного описания кокеток, вертихвосток, пустышек и т.п.

— Как и поедание хот-догов. Пробовал?

— Ага.

Я делаю еще одну затяжку и тушу сигарету прямо о скамейку. Я начал курить примерно в его возрасте, когда мама оставила пачку «Ньюпорта» на кухонном столике и ушла на всю ночь. А бросил курить, когда начал заниматься спортом и качаться, но иногда я выкуриваю по одной в тяжелые дни. Сегодня точно нужна пара затяжек.

— Иногда весело делать дерьмо, которое тебе вредит, — говорю я ему.

— Ты правда сидел в тюрьме за кражу автомобиля? — спрашивает он.

— Я ее не крал, парень. Я ее позаимствовал.

— Зачем?

— Хочешь правду?

Он кивает.

— Чтобы разозлить того, с кем встречалась тогда моя мать. — Я машу рукой в сторону похорон. — Почему ты сбежал?

Он оттягивает от шеи воротник накрахмаленной белой рубашки, словно та собирается его задушить.

— Я просто... я не хочу видеть этот гроб. Я не идиот и знаю, что он умер. Я просто не хочу, чтобы мне об этом напоминали. И мне не нравится, что теперь все таращатся на меня. — Он пинает ножку скамьи, не поднимая головы. — Ты когда-нибудь хотел просто исчезнуть?

— Постоянно. Закон средних чисел гласит, что, когда ты чувствуешь себя хуже некуда, все нач-